

Цяо Юаньлинь потребовалось немало времени, чтобы во всем разобраться. Он взглянул на часы: времени оставалось в обрез, нужно было как можно скорее систематизировать материалы для репортажа и передать их редакции. После хаотичного дня в больнице Жотань только в Южном саду царили тишина и покой. Цяо Юаньлинь устроился на скамейке у озера, положив ноутбук на колени и быстро стуча по клавишам, а Лян Чэн сидел рядом, выступая в роли технического консультанта.

— У него всё в порядке с сетчаткой? Он не ослепнет?

Лян Чэн спросил:

— Ты вообще хоть что-нибудь понял?

Цяо Юаньлинь неловко улыбнулся. Ему почему-то вспомнился урок биологии в старшей школе. Тогда он напустил на себя крайне увлеченный вид и понимающе кивал, пока Дуань Сыцунь вдруг не спросил:

— Староста, ты ведь вообще не понимаешь, о чем я говорю?

Весь класс уставился на него, а он просто оцепенел.

Дуань Сыцунь добавил:

— Тема сложная, и только ты один сидишь здесь довольный, словно весенним ветром обвеянный. Хватит притворяться.

Пожав плечами, Цяо Юаньлинь вернулся к реальности. За все годы учебы учителя и ученики Седьмой школы вызывали у него самый сильный стресс. Он писал, а Лян Чэн то и дело поправлял его — точь-в-точь как в школьные годы, когда над душой стояли во время проверки контрольной.

Закончив с текстом, он нажал кнопку «Отправить». Если не случится ничего непредвиденного, сегодня вечером в программе «Бадатун» выйдет самый подробный и всесторонний репортаж.

Этот день прошел в бешеном ритме, настоящий час пик — сплошной адреналин. Цяо Юаньлинь захлопнул крышку ноутбука и с удовольствием потянулся всем телом.

Лян Чэн ласково провел ладонью по его волосам от макушки к затылку:

— Смотри не переутомляйся.

— Угу, — Цяо Юаньлинь понимал, что Лян Чэн переживает не просто из-за усталости. — Не волнуйся, мой организм крепче, чем кажется. Те малыши в палатах такие хрупкие... По сравнению с ними мне невероятно повезло.

Лян Чэн разделял его чувства. Сталкиваясь с этими крошечными, висящими на волоске жизнями, испытываешь и жалость, и благодарность.

— Сегодня прооперировал одного ребенка, он все еще под наблюдением в реанимации.

Цяо Юаньлинь не раз делал подобные репортажи. Ничем другим помочь он не мог, поэтому спросил:

— Родители простые рабочие, им тяжело приходится. Как у них с деньгами на лечение?

— Мы организовали сбор пожертвований, — негромко вздохнул Лян Чэн. — От моей зарплаты в этом месяце осталось всего двести.

Цяо Юаньлинь охнул и тут же вытащил телефон:

— У гэгэ закончились деньги? Я сейчас переведу тебе.

Лян Чэн уловил в его голосе нотки чрезмерной заботы, словно о нежной барышне, и перехватил его руку:

— Да шучу я. Благотворительный отдел все покроет, равнодушные люди помогают.

Смеркалось. Пара черных лебедей, озаренная последними лучами заходящего солнца, подплыла к берегу. На траве стояла корзина с листьями салата, и Цяо Юаньлинь с удовольствием скормил птицам несколько штук. Через десять минут пришел ответ от редакции: все в порядке, он может быть свободен.

Лян Чэн проводил его до ворот больницы. Пятна крови на одежде врача уже высохли и потемнели; Лян Чэну самому было неприятно от этой грязи, поэтому перед уходом он не решился обнять Цяо Юаньлиня.

— Ты сегодня дежуришь ночью? — спросил Цяо Юаньлинь.

— Нет, — ответил Лян Чэн. — Но мне нужно остаться в больнице.

Цяо Юаньлинь с пониманием кивнул:

— Нужно присмотреть за прооперированным малышом?

Лян Чэн опешил от такой формулировки. Большинство его маленьких пациентов действительно были крошечными и вызывали жалость — некоторые размером с ладонь, — но у него язык не поворачивался назвать их так слащаво.

Поймав такси, Лян Чэн открыл дверцу:

— Поезжай домой и хорошенько помойся в душе.

Цяо Юаньлинь замер у открытой двери. После ночной смены Лян Чэн обычно не возвращался в жилой комплекс «Минху», а если и возвращался, то только... Он передумал:

— Может, я поеду к тебе на квартиру?

Лян Чэн заметил:

— Ты сегодня какой-то прилипчивый.

Цяо Юаньлинь почесал затылок:

— Тебе это не нравится?

Лян Чэн не умел говорить нежности посреди улицы, да и вообще не отличался красноречием в таких делах. Он достал ключи от квартиры и, зажав их за кончик, легонько провел по переносице Цяо Юаньлиня.

— Теперь она твоя, — ответил он.

Цяо Юаньлинь сел в машину и уехал, весело напевая под нос. Водитель украдкой поглядывал на него через зеркало заднего вида, недоумевая: вряд ли ему доводилось встречать человека, который выходит из больницы с пятнами крови на одежде и при этом светится от счастья.

На полпути зазвонил телефон — Тянь Юй запрашивал голосовой звонок.

Цяо Юаньлинь принял вызов:

— Алло, Тянь Сяюй?

— Юань-бог! — в трубке стоял шум, и Тянь Юй кричал во весь голос: — Сколько лет, сколько зим! Соскучился по мне?

Цяо Юаньлинь поленился высчитывать разницу во времени и спросил:

— Который у тебя час? Мы еще никогда не созванивались в такое время.

Тянь Юй весело ответил:

— Ну так я соскучился!

— Тогда возвращайся в страну, — Цяо Юаньлинь тоже соскучился по другу. Одноклассники после школы разъехались по всему миру, собраться вместе было целой проблемой. — Или подожди, пока я приеду к тебе в Канаду, покатаемся на лыжах.

Тянь Юй изумился:

— И в горы ходишь, и на лыжах катаешься? Ну ты даешь, крутой! А после выпуска ты хоть подрос? Я тут купил тебе два местных пуховика в подарок, надеюсь, с размером не прогадал.

Цяо Юаньлинь озадачился, но тут на заднем плане сквозь шум прорвалось объявление аэропорта на китайском языке. Он радостно воскликнул:

— Ты что, действительно вернулся?!

Тянь Юй, только что сошедший с трапа самолета, ответил:

— Ну, можно сказать, в командировку. И заодно провести родных.

Они договорились встретиться на днях. Цяо Юаньлинь был на седьмом небе от счастья: кажется, удача наконец повернулась к нему лицом — в одночасье и любовь, и дружба, и карьера пошли в гору, расцветая пышным цветом.

Добравшись до квартиры Лян Чэна, он принял душ, а как раз к доставке еды началась трансляция программы «Бадатун».

Тем временем в больничном отделении поднялась суматоха: мать больного ребенка, лишившись сил, упала в обморок. Теперь она лежала под капельницей на скамейке в коридоре, пока медсестры настойчиво уговаривали супругов поехать домой и отдохнуть.

Родители наотрез отказывались уходить. Лян Чэн стремительным шагом прошел мимо них и зашел в палату интенсивной терапии.

Ребенок неподвижно спал на кровати. Лян Чэн проверил объем выделенной мочи и гематокрит — вязкость крови и давление в легочной артерии были в норме, никаких признаков синдрома малого сердечного выброса пока не наблюдалось.

Стоило ему выйти, как его перехватил отец мальчика. Сейчас каждое слово врача было для него законом, но Лян Чэн говорил слишком профессиональным языком, который мужчина не понимал, да и давать пустые обещания доктор не мог.

— За ним присмотрят врачи и медсестры, родственникам заходить нельзя, — Лян Чэн оставался верен своей манере общения. — Так что вы здесь ничем не поможете. Лучше поезжайте домой, выспитесь и наберитесь сил.

Мать ребенка слабо прошептала:

— Я не уйду...

Лян Чэн ответил:

— Это лишь рекомендация, вы можете ей не следовать. Однако должен напомнить: расходы на лечение вашего сына возьмет на себя благотворительный отдел, но эти две капельницы в счет не входят.

Вопрос денег всегда бьет по самому больному месту бедняков; отец ребенка стоял, раздавленный стыдом и бессилием.

Медсестра тихонько позвала:

— Доктор Лян...

Лян Чэн положил ладонь на плечо мужчины:

— Держись. Побереги деньги, они еще понадобятся на детскую смесь.

Среди ночи пошел дождь, и Жотань опустела как изнутри, так и снаружи. Лян Чэн стащил на посту медсестры пакетик с черносливом — он был кислее сушеных слив, но помогал взбодриться и не заснуть над историями болезней.

Глубокой ночью он снова навестил палату. Состояние маленького пациента оставалось стабильным. Сделав необходимые указания дежурному персоналу, Лян Чэн вернулся в кабинет, забрал запасные ключи и собрался домой.

Асфальт поблескивал от влаги. Включать печку в машине было еще рановато, и салон быстро наполнился сырým ночным холодом.

Окна высотного дома были почти полностью темными. Охранник в вестибюле, из последних сил борясь со сном, листал короткие видео на телефоне. Заметив жильца, он добросовестно доложил:

— Господин Лян, только со смены? Ой, когда я заступал на вечернее дежурство, мне показалось, что у вас дома горел свет.

Лян Чэн коротко ответил:

— Это мой близкий.

Пока лифт поднимался, Лян Чэн думал о том, как бы не разбудить спящего Цяо Юаньлиня. Он бесшумно приоткрыл входную дверь, переобулся и зашел в спальню. Одеяло на кровати лежало так ровно, словно под ним никого не было.

Он остановился у постели, намереваясь взять подушку и устроиться на диване в гостиной.

Почувствовав повеявший от него холод, Цяо Юаньлинь приоткрыл глаза и сонно пробормотал:

— Ты только вернулся?

— Да, на улице дождь.

Цяо Юаньлинь потянулся и коснулся его влажной от сырости одежды, после чего приподнял край одеяла:

— Холодно? Ложись скорее.

— Я еще не мылся, — ответил Лян Чэн.

Цяо Юаньлинь подвинулся глубже к стене:

— Да ладно тебе, ложись так.

Лян Чэн не смог устоять. Он скользнул под одеяло, и теплое тело Цяо Юаньлиня тут же прижалось к нему, а его волосы коснулись лица Лян Чэна. Руки у доктора были ледяными, поэтому он сжал кулаки и держал их у бедер.

— Гэ, обними меня, — негромко попросил Цяо Юаньлинь.

Лян Чэн, поджав губы, тихо отозвался и притянул его к себе за талию поверх халата. А затем, словно поддавшись какому-то наваждению, сместил ладонь чуть ниже и слегка сжал.

Цяо Юаньлинь почувствовал щекотку и странную дрожь — ощущение было совершенно новым для него. Он не знал, стоит ли скромно смолчать или же воспользоваться моментом и ласково покапризничать.

Но не успел он принять решение, как Лян Чэн убрал руку. Растерявшись от такой неожиданности, Цяо Юаньлинь спросил:

— Что случилось?

Лян Чэн переспросил:

— В каком смысле?

Цяо Юаньлинь помолчал немного и буркнул:

— Ничего.

Ладонь на его пояснице больше не двигалась. Он отвернулся от Лян Чэна спиной, пытаясь справиться с внезапным чувством досады, и не удержался — капризно попятился назад, упираясь в него спиной.

Под одеяло ворвался поток холодного воздуха, и Лян Чэн тут же откинул его и поднялся с

кровати.

Цяо Юаньлинь обернулся:

— Ты куда?

Лян Чэн бросил на ходу, не оборачиваясь:

— В душ.

На улице все еще было темно. До звонка будильника оставалось еще полтора часа, но сон у Цяо Юаньлиня как рукой сняло. Он лежал на спине, уставившись в потолок и слушая стук дождя по стеклу. Прошло несколько минут, но шума воды из ванной так и не донеслось.

Он поднялся с постели и подошел к двери ванной. Внутри стояла тишина. Цяо Юаньлинь решительно нажал на ручку и открыл дверь.

<http://bllate.org/book/18284/1753100>